

нять условный характер земельной собственности князя, и Михаил Палеолог в гневе обвинял его в гордыни, свойственной франкам, и грозил, что никогда не отпустит его из тюрьмы за деньги (Ibid. Vs. 4255—4301). Как известно, после бурных дебатов только «дамский» парламент в Никли принял компромиссное решение, по которому за освобождение князя и его рыцарей византийцам отдавались три главные крепости Морей — Монеувасия, Великая Майна и Мистра. «Дамским» парламент был назван потому, что решающую роль в принятии на нем решения сыграли жены {171} пленных кавалеров, голосовавшие вместо своих супругов. Участник парламента и ярый враг такой уступки афинский герцог пророчески предрек изгнание латинян из Пелопоннеса в результате этого решения. Лучше смерть одного, подобно Христу, говорил герцог, чем потеря многими их владений. Жены сеньоров Морей предпочли потери... (Ibid. Vs. 4376—4385).

Но вот ситуация ненадолго изменилась, и в плену у франков оказался византийский полководец, великий доместик. В ответ на упреки Жоффруа де Брюйера он сказал: «Истина в том, что эта страна Морей, которой вы ныне владеете, никогда не была вашей ни по праву, ни на каком-либо другом основании, ибо она принадлежала и должна принадлежать империи ромеев, и наследственные права на нее [принадлежат] от предков государю святому императору. А ваши предки силой и тиранией удерживали ее несправедливым и греховным образом. И за этот грех Бог предал вас в руки государя святого императора...» Относительно же победы князя над ним великий доместик изрек, совсем в духе своих победителей, что благородному человеку негоже бранить другого за превратности войны (Ibid. Vs. 5515—5558; Chr. fr. de Morée. § 382). Здесь в полной мере и со знанием дела была сформулирована византийская позиция. Хронист не считал нужным скрывать обличительные аргументы противоположной стороны.

Морейская хроника — это целая энциклопедия быта Латинской Романии. В ней есть и захватывающие сюжеты вроде дерзкой интриги сеньора Каритены, считавшегося одним из лучших рыцарей Морей. Из любви к жене своего вассала он дважды изменил своему государю, в том числе нарушил запрет покидать территорию княжества. Во время войны, которую вел его государь, он отправился с дамой сердца в «пелигримаж» в город Бар и на гору Гаргано в Южной Италии. Но там он был осужден и обвинен в предательстве королем Манфредом, отославшим его в Ахайю. Вернувшись домой, сеньор Каритены по ходатайству других вассалов князя получил прощение и искупил свой проступок, умерев позднее с репутацией «защитника сирот и справедливого воина». В ином случае его ждала бы потеря фьефов (Chr. gr. de Morée. Vs. 7200—7240; Chr. fr. de Morée. § 399—407).

Характерен эпизод, рассказанный хронистом, как князь Гийом учил короля Карла Анжуйского византийскому способу нападения на врага — с заманиванием в засады. Именно такая тактика была применена обоими союзниками в знаменитой битве при Тальякоццо (1268), доставившей Карлу Анжуйскому неаполитанскую и сицилийскую корону (Chr. gr. de Morée. Vs. 6960—7050). Не менее ярко описан в хронике суд баронов, прелатов и лигиев над самим князем по делу о правах на фьефы, отнятых князем у законной наследницы (Chr. gr. de Morée. Vs. 7420—7525; Chr. fr. de Morée. § 514—521).

Если можно согласиться с часто встречающимся в литературе суждением, что язык греческой стихотворной версии хроники не отличается красотой и выразительностью, то этого никак нельзя сказать о ее художественных достоинствах в целом. Тон повествования, спокойный, иногда даже несколько монотонный, становится напряженно экзальтированным, когда автор бичует пороки основных врагов — ромеев. Психологические портреты героев нередко передаются через их речи. Хронист наблюдателен, {172} хорошо знает вкусы своих читателей, не лишен он и лирического дарования. Долгожданный приход весны радуется журчащими на заре ручейками воинов, собравшихся по призыву князя Гийома. Картина обновления и торжества природы созвучна их настроению. Все это оттеняет горечь предстоящих вскоре испытаний: жестокого разгрома в битве при Пелагонии и долгого для многих византийского плена (Chr. fr. de Morée. § 273).

С одной из греческих версий Морейской хроники тесно связано эпическое стихотворное повествование о деяниях дома Токко, графов Кефалонии и правителей Эпира. Автор Хроники Токко, как доказывает Й. Кодер, знал всю Морейскую хронику, подражал ей в выборе типа стиха, но стремился к его большему упрощению⁵⁶.

⁵⁶ Koder J. Die Chronik der Tocco. Zum Metrum und zum Verhältnis zur Chronik von Morea // JÖB. 1981.